

Глаза старика как целый народ...

Фото: Сабрие Абдукадырова

Я видел старика, вернувшегося из депортации, стоящего перед домом своим через 35 лет, со слезами на глазах. И видел глаза, со страхом смотревшие из окна...

стр. 3 ►

4 истории знаменитых крымских татар о депортации

Мы часто публикуем воспоминания крымских татар о депортации. Как бы больно ни было очевидцам этой трагедии вспоминать об этом, мы, их потомки, должны записывать и хранить их истории, чтобы помнить и не дать забыть. Но, готовя данный материал, мы столкнулись с тем, что воспоминаний, историй наших известных соотечественников, будь то писатели, общественные деятели, историки, артисты, сохранилось не так много. А ведь во многом именно трагедия депортации могла скорректировать их жизненный путь.

стр. 4-5 ►

#Baba_evı: Законных владельцев выслали из родного дома дважды

В их бывшем доме, разделенном на два входа, сейчас проживает две семьи. На одну половину бабушку не пустили даже во двор, на другой – старушка (послевоенная переселенка) пожаловалась, что никто за это время не перестелил прогнившие полы. В доме, который ей достался даром, после того, как законных хозяев из него выселили дважды...

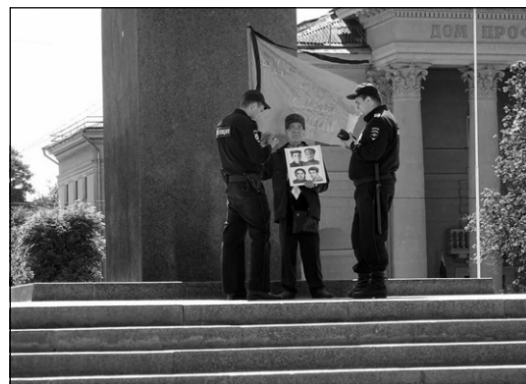
стр. 5 ►

Крымские татары в разных уголках полуострова почтили память жертв депортации

18 мая крымские татары во многих уголках полуострова почтили память жертв депортации 1944 года, прочитав молитвы в мечетях, у мемориалов и возложив цветы к памятным доскам и камням.

Так, более двух сотен мусульман собрались на молитву в центральной мечети столицы – Кебир-джами.

В сквере возле ж/д вокзала Акмесджита собрались более сотни человек, чтобы почтить память погибших в результате депортации. Участники акции прочитали дуа.

В Джанкое люди собрались и помолились на территории железнодорожного вокзала, откуда депортировали крымских татар в 1944 году.

Такие же акции прошли в Курмане, Биюк-Онлар, Судак, Ялте.

Не обошлось и без неприятных инцидентов. В Бахчисарае задержали водителей автомобилей, которые ездили с крым-

пермаркета «Ассорти» (бывшее здания супермаркета «Сильпо»), с крымскотатарским флагом. По информации блогера Заира Акадырова, вскоре молодого человека задержали сотрудники полиции для выяснения личности.

Пережившего депортацию активиста национального движения Сервера Караметова, который вышел на одиночный пикет на площади Ленина в Акмесджите, задержали и доставили в Центральный РОВД.

А несколько крымских татарок, облачив-

шись в национальные флаги, в футболках с национальной символикой и в вышиванках прошли по центру города. И тут без инцидента с полицией не обошлось.

Кроме этого, имели место несколько инцидентов с сотрудниками ДПС. Водители, ездившие с крымскотатарским национальным флагом наружу, отчаянно защищали свои права на такое передвижение.

Накануне Дня скорби в прокуратуру Крыма

котатарскими флагами. В отношении пятерых водителей составлены протоколы. Им грозят штрафы до 10 тысяч рублей.

В день 73-й годовщины депортации крымских татар несколько человек проявили патриотизм, выйдя на улицы города с национальной символикой.

Так, молодой человек некоторое время простоял в самом центре столицы, возле су-

были вызваны крымскотатарские активисты: Ильми Умеров, Нариман Джелял и Лемар Юнусов. Кроме этого, сотрудники Симферопольской районной прокуратуры пригрозили задержанием главному редактору газеты **Avdet** Шевкету Кайбуллаеву, на имя которого некий Иванов написал жалобу, якобы Кайбуллаев планировал организацию несанкционированных публичных мероприятий 18 мая.

18 мая в знак солидарности с крымскотатарским народом представители всех религиозных конфессий Крыма также провели коллективные молитвы в своих храмах согласно своим религиозным канонам.

В городах Украины, а также во многих странах мира 18 мая прошли мероприятия, посвященные памяти жертв депортации крымскотатарского народа 1944 года.

Порошенко присвоил Решату Аметову звание Героя Украины

Президент Украины Петр Порошенко присвоил убитому весной 2014 года крымскому татарину Решату Аметову звание Героя Украины.

Об этом он заявил в Национальной опере Украины на траурном вечере-реквиеме, приуроченном к годовщине депортации крымскотатарского народа.

Как известно, Решат Аметов 3 марта 2014 года вышел на одиночный молчаливый пикет к зданию Совета министров Крыма. В этот же

день его похитили, а 15 марта тело Аметова со следами пыток было найдено в лесу Белогорского района Крыма. У Решата Аметова остались вдова и трое малолетних детей. Власти Крыма пообещали награду за раскрытие убийства крымскотатарского активиста. Однако убийц активиста так и не нашли.

В Крыму назвали размер фитр-садака

Денежный минимум фитр-садака в 2017 году определен в размере 200 рублей за человека.

Об этом сообщает пресс-служба крымского муфтията.

Во время месяца Рамазан определена выплата фитр-садака и закята. Фитр-садака раздается неимущим. Каждый совершеннолетний и обеспеченный мусульманин обязан выплатить фитр-садака за себя и несовершеннолетних членов своей семьи.

Напомним, 27 мая наступает священный для мусульман месяц – месяц Рамазан, месяц поста, во время которого в течение всего светлого времени суток верующие воздерживаются от еды, питья и развлечений, принимая пищу лишь после захода солнца.

С территории крымской мечети украли несколько десятков туй

С территории мечети в селе Левадки, под Акмесджитом, украли 35 туй.

Об этом сообщили местные жители и попросили дать знать, если кто-то что-либо знает об этом.

Жители близлежащего микрорайона Фонтаны также жалуются, что часто становятся жертвами «елочных» грабителей.

Напомним, ранее сообщалось, что в Акмесджите неизвестные украли около 50 туй, высаженных вдоль улицы Севастопольская, на которой с прошлого года проводятся работы по расширению и ремонту дорожного полотна.

Убийце Момине Алиевой вынесли приговор

31-летнего жителя Старого Крыма Алексея Гнездилова, признанного виновным в жестоком убийстве Момине Алиевой, приговорили к 18,5 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 9 месяцев и штрафом в размере 20 тысяч рублей.

Такое решение вынес Верховный Суд Крыма.

Гнездилова признали виновным по нескольким статьям уголовного кодекса (ч. 1 ст. 131 УК РФ (изнасилование), ч. 1 ст. 132 УК РФ (иные действия сексуального характера), п. «з, к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, сопряженное с разбоем, насильственными действиями сексуального характера), п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего), ч. 1 ст. 222.1 УК РФ (незаконное приобретение, ношение и хранение взрывчатых веществ).

С осужденного также взыскано 3 миллиона рублей морально-го вреда, причиненного родствен-

нику погибшей женщины. Отбывать наказание он будет в исправительной колонии строгого режима.

«Установлено, что осужденный в апреле-мае прошлого года совершил преступления против половой свободы двух женщин, одну из которых убил, похитив ее золотые украшения. Кроме того, в ходе обыска по месту его жительства изъято взрывчатое вещество», – говорится в сообщении пресс-службы республиканского надзорного ведомства.

Напомним, в мае 2016 года в селе Тамгьаджи (Изюмовка) Ислям-Терекского (Кировского) района жестоко убили крымскую татарку Момине Алиеву. По видеозаписям с камер слежения одного из магазинов брата погибшей смогли идентифицировать машину главного подозреваемого.

15 фактов о депортации крымских татар

18 мая 1944-го – самая трагическая дата в истории нашего народа. И пусть такая доля не постигнет ни один честный и миролюбивый народ. Давайте вспомним, как и «за что» выселяли наших предков с родной земли.

1. Решение Государственного комитета обороны СССР №ГКО-5859 от 11 мая 1944 года о выселении всех крымских татар с территории Крыма подписал лично Иосиф Сталин. Проект решения ГКО подготовил его член, народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия. Возглавить операцию по депортации было поручено заместителям народных комиссаров госбезопасности и внутренних дел Богдану Кобулову и Ивану Серову.
2. Из Крымской АССР в Узбекистан и соседние районы Казахстана и Таджикистана было переселено свыше 190 тысяч крымских татар. Небольшие группы также были отправлены в Марийскую АССР и ряд других регионов РСФСР.
3. Официально депортация крымских татар обосновывалась фактами их участия в коллаборационистских формированиях, выступавших на стороне нацистской Германии во время Великой Отечественной войны. Решение ГКО обвиняло «многих крымских татар» в измене Родине, дезертирстве из частей Красной Армии, оборонявших Крым, переходе на сторону противника, вступлении в сформированные немцами «добровольческие татарские

- кие воинские части», участия в немецких карательных отрядах, «зверских расправах по отношению к советским партизанам», помощи немецким оккупантам «в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство», сотрудничестве с немецкими оккупационными войсками, создании «татарских национальных комитетов», использовании немцами «для целей заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов».
4. Депортации также подверглись и крымские татары, которые эвакуировались из Крыма до занятия его немцами и успели вернуться из эвакуации за апрель-май 1944 года. Они не жили в оккупации и не могли участвовать в коллаборационистских формированиях.
 5. Операция по депортации началась рано утром 18 мая и закончилась в 16 часов 20 мая 1944 года. Для ее проведения были задействованы войска НКВД в количестве более 32 тысяч человек.
 6. Депортируемым отводилось от нескольких минут до получаса на сборы, после чего их на грузовиках транспортировали к железнодорожным станциям. Оттуда эшелоны под конвоем отправлялись к местам ссылки. По воспоминаниям очевидцев, тех, кто сопротивлялся или не мог идти, иногда расстреливали на месте.
 7. Этапирование к местам поселения длилось около месяца и сопровождалось массовой гибелью депортируемых. Умерших наспех хоронили рядом с железнодорожным полотном или не хоронили вообще.
 8. По официальным данным, около половины высланных крымских татар погибли в пути. Еще от 25% до 46,2% крымских татар погибли в 1944-1945 годах от голода и болезней из-за отсутствия нормальных условий проживания. Для сравнения: в телеграмме НКВД на имя Сталина было указано, что выселению подверглось 183 155 человек; в дороге погиб 191 человек.
 9. В Узбекской ССР только за 6 месяцев 1944 года, то есть с момента прибытия и до конца года, умерло 16 052 крымских татар (10,6 %) (по официальным данным).
 10. В 1945-1946 годах в места депортации были сосланы еще 8 995 крымских татар – ветеранов войны.
 11. В 1944-1948 годах тысячи населенных пунктов (за исключением Бахчисарая, Джанкоя, Ишунь, Сак и Судака), гор и рек полуострова, названия которых имели крымскотатарское происхождение, были заменены на русские.
 12. После выселения крымских татар по данным комиссии СНК СССР осталось: домов 38 600, приусадебных участков 18 736, надворных построек 15 000, крупнорогатого скота и птиц: коров 10 700, молодняка 886, телят 4 139, овец и коз 44 000, лошадей 4 450. кожи 43 207 шт. Всего посуды и других различных продуктов 420 000.
 13. Все постройки, сельхозпродукция, предметы домашнего обихода, посевы переданы местным органам власти. Значительную часть из них передали переселенцам. Другая часть продавалась в магазинах и раздавалась общественным организациям.
 14. В течение 12 лет, до 1956 года, крымские татары имели статус спецпереселенцев, подразумевавший различные ограничения в правах. Все спецпереселенцы были поставлены на учёт и были обязаны регистрироваться в комендатурах.
- В ноябре 1989 года Верховным Советом СССР депортация крымских татар была осуждена и признана незаконной и преступной.

Глаза старика как целый народ...

Я видел старика, вернувшегося из депортации, стоящего перед домом своим через 35 лет, со слезами на глазах. И видел глаза, со страхом смотревшие из окна...

Посмотрите в глаза нашим старикам! Долго-долго смотрите. Их осталось совсем немного. Примите то, что в них есть в себя, всё – без остатка! Как много я вижу в этих глазах, как много... боль, обиду, страх за завтра и за нас. Гордость священную, как молния ослепляющую, стойкость духа и непоколебимость.

Мудрость, испытанную голодом, смертью, клеветой и позором. Смелость, приводившую «в стопор» безжалостную машину коммунизма. Простоту, милосердие и забывчивость за зло, причиненное им.

Старика я увидел однажды, вернувшегося из депортации и стоящего перед родным очагом, через треть столетия, со слезами на глазах. И глаза видел, смотревшие со страхом на него...

Старик не побеспокоил новых жителей своего дома, а пошел просить, а затем требовать всего лишь кусок земли у государства. Потом жил в землянке 20 лет вне закона, без воды и электричества, а газ и дороги – так это для БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ. Он не требовал ничего, что у него отняли, говоря, что те, кто живут в его доме, тоже заложники ситуации. Но те глаза, что смотрели из окна его дома, они были недовольны даже этим. Не было у него права, даже на участок, даже на жизнь в Крыму.

Все это прошло и сегодня сыновья и внуки того старика, живут у себя на родине. Они на своей земле и не важно, «на ней» или «под ней» – так завещал им старик!

А знаете, почему мое сердце переполняется гордостью за свой народ? Да потому, что, несмотря на всю травлю, гонения, несправедливость власти, судов, соседей, лицемерие, двойные стандарты, несмотря на все это – он такой же простой, гостеприимный, добродушный и толерантный к своим соседям и тем «глазам из тех окон». Как будто его никогда не изгоняли из своего дома. А знаете почему? Да потому, что он дома, а закон гостеприимства он впитал с молоком матери.

Дети войны боятся самолётов

Хочу поведать историю, которую я услышал от одного знакомого.

Представьте себе картину: автобус полный детишек, приехавший с очередной «горячей точки», каких множество на этой многострадальной земле. Автобус остановился около кафешки. Все разбежались – кто в кафе, кто в магазин. Детишки веселятся и бегают вокруг автобуса.

И вдруг, довольно низко, с сильным гулом пролетел вертолет. Машинально все, включая моего знакомого, посмотрели на небо. Когда же они опустили глаза и посмотрели по сторонам, то не увидели ни одного ребенка. Кругом была гробовая тишина. Они посмотрели на шофера вопросительным взглядом, тот же покрасневшими глазами указал под автобус.

Когда же заглянули под автобус, то увидели там испуганные глазки детей, они лежали, съехившись и прижавшись друг другу. Они ждали бомбежку, выстрелы и смерть... Страшная картина!

Когда он рассказывал эту историю из нашего сегодня, я невольно думал о своих детях. Что сегодня делают наши дети, когда видят самолет или вертолет? Ну, радуются, бегают, играют. Поют песенки: «Самолет, самолет, повези меня в полет...» Но, слава Всевышнему, не прячутся под автобус от пролетающего вертолета или самолета, и не дай Бог.

– Невозможно, удержаться слез перед этой картиной, – закончил свои слова очевидец этого страшного зрелища. – Невозможно...

Упаси Господь всех детей от ужасов войны и накажи тех, кто ради корыстных целей начинает, ведет и финансирует войны.

Оформите подпись авторства обоих материалов
Мансур СУЛЕЙМАН

Тазие

1928 с. Алушта районы Демирджи коюнде догъгъан, Къырымгъа 1989 с. буюк къорантасынен авдет олып, Джурчи (Первомай) районы Орман-Аджы (Калинино) коюнде черик асыр девамьнда имамлыкъ вазифесини эляллыкънен беджерген, дёрт эвлятнынъ мераметли бабасы, он бир торун ве он дёрт торунчининъ севимли къарбабасы ве дедеси, чокъ сынавлардан шеревфли кечкен ватанпервер, ферасетли инсан

аджи Ариф агъа Сейтаблаев

18-майыста бу фаний дюнъяны терк эткени мунасебетинен онынъ огълу – корюмли джемаатчы, район ве меркезий, Къурултай ве башкъа миллий къурумларында фааллик косьтерген Рефат Сейтаблаевге, огълу Решат, къызлары Урхие, Гульвера, джумле якъынларына терен ве самимий тазие бильдирип, сабыр ве баш сагълыгы тилеймиз.

Ариф деде Алланынъ рахметинде, яткъан ери дженнет олсун.

Достлары, сафдашлары, койдешлери.

4 истории знаменитых крымских татар о депортации

Мы часто публикуем воспоминания крымских татар о депортации. Как бы больно ни было очевидцам этой трагедии вспоминать об этом, мы, их потомки, должны записывать и хранить их истории, чтобы помнить и не дать забыть. Но, готовя данный материал, мы столкнулись с тем, что воспоминаний, историй наших известных соотечественников, будь то писатели, общественные деятели, историки, артисты, сохранилось не так много. А ведь во многом именно трагедия депортации могла скорректировать их жизненный путь.

Аблязиз ВЕЛИЕВ, писатель (1939 г.р.)

«Несмотря на то, что мне было не полных 5 лет, я запомнил такой эпизод. Фашисты, которые квартировали в нашем доме, ели тушенку, и после них осталось много порожних железных банок из-под нее. Я собрал банки, проколол гвоздем в них отверстие и нанизал их на веревку и таскал за собой, они так гремели. Мне это нравилось. Игрушек-то тогда особых не было (усмехается с грустью). Это был мой поезд. А в 1944 уже советские солдаты согнали жителей нашей деревни к конюшне. Тут я вспомнил, что моя игрушка осталась дома, и побежал за своим «поездом». Солдат, охранявший нас, бросился за мной. Я же тогда не знал, что он мог просто выстрелить на поражение. Он догнал меня и ударил прикладом, попал в левый бок, рана кровоточила. Мать долго плакала...

Наш эшелон целый день стоял в Сталинграде. Я прогуливался недалеко от нашего вагона. Народу было много, все куда-то спешили, очень много было эшелонов с орудиями, трофейными машинами. Меня заинтересовала одна из машин — ЗИС-5, я влез в нее. Слышал голос матери, которая крикнула: «Абляз...», но не отреагировал, наверно, как сделали бы и многие мальчишки-сверстники. Ребенком все-таки был... Прозвучала команда о погрузке, я ничего не слышал. Когда мне показалось, что вокруг никого больше нет, вылез из машины. Вот тут-то солдат и схватил меня за ухо. Притащил к вагону и так забросил меня в вагон, что я пролетел до противоположной стены и ударился о нее. Но меня никто не пожалел. Наш вагон больше не открывали на стоянках и все за это были сердиты на меня. Получил шлепок я и от матери».

Адиле ЭМИРОВА, профессор, доктор филологических наук (1933 г.р.)

«Рано утром, 18-го мая 1944 года, нас разбудил стук в дверь. Вошел офицер с двумя солдатами и объявил, что все татары выселяются из Крыма. Посоветовал взять с собой как можно меньше вещей, а сборы дали 20 минут. Мама ударила в панику: муж в отъезде (его, как и всех мужчин, призвали в труд- армию), на руках трое детей — от двух с половиной до четырнадцати. С причитаниями она металась по комнатам. А офицер ходил за нею по пятам, присматривался к вещам, говорил, что ему у нас нравится, что он сам здесь будет жить.

Что же взять с собой? Вот это большое одеяло: хитит всем четверым укрыться. О документах (свидетельства о рождении, паспорт, трудовая книжка отца и др.) она и не вспомнила. Я же схватила свое самое большое «богатство» синий бархатный ридикюль с ручкой-петлей, в котором хранились две нитки бус, и больше не выпускала его из рук. Мы вышли из дома с тем, что смогли взять в руки. Вышли навсегда. Офицер сам запер входную дверь и взял с собой ключи.

На месте сбора, у моста между Дерекоем и Ай-Василем, на узлах и мешках сидели соседи. Слышались громкие голоса, плач. Ждали долго. Время от времени кто-то уходил домой и возвращался с новыми вещами. Тут мама и спохватилась: не взяла ничего из еды и посуды. Старшая сестра с малышкой осталась там, а мы с мамой садами — по дороге идти боялись — вернулись домой. Двери были заперты, ключей у нас не было. Мама приставила к окнам балкона лестницу, разбила стекла, и я проникла в комнату. По совету мамы, взяла ножницы, кастрюлю, три большие ложки и одну маленькую (для младшей сестры). Сняла с подушки наволочку и насыпала в нее немного муки. Козу-поилицу, купленную две недели назад на последние деньги, мы отвели к соседке, казанской татарке. К ней же отнесли швейную машинку и большую персидский ковер. Наверно, мама думала, что мы скоро вернемся.

В ожидании машин просидели до самого вечера. Рядом ходили солдаты и офицеры. Несколько раз попался на глаза и тот офицер, который утром заходил к нам. В его руках был мой новый зеленый портфель. В нем что-то звякало. «Наши серебряные ложки», — сказала мама. Он взял их на её глазах. Уже поздно ночью нас погрузили в грузовые машины и повезли через Ай-Петри на какую-то железнодорожную станцию. Ночью же нас посадили в товарные вагоны. Более бойкие и сильные заняли лучшие места — на нарах. Нам досталось место на полу, у самых раздвижных дверей. Первые дни нас не кормили. На каждой остановке все высыпали из вагонов. Женщины быстро сооружали очаги из камней, кирпичей, ставили на них кастрюли, чайники.

Несколько раз мама пыталась сварить взятую из дому тушку курицы. Но не успевала вода даже закипеть, как раздавался крик конвойных: «По вагонам!». И все бежали с горячими кастрюлями в руках и, на ходу цепляясь за протянутые руки, переваливались в вагон. Мама часто не успевала приготовить нам еду, но зато она оставалась с нами. А сколько людей, особенно старых и больных, отстали от поездов и навеки разлучились с родными! А сколько умерших от голода и болезней остались на перронах и вдоль колеи после отхода поездов!

Через некоторое время в вагонах наладился какой-то быт. Были выбраны старосты, которые приносили и распределяли хлеб. На больших станциях несколько раз раздавали суп. Ехали около двадцати дней. Грязь, антисанитария, запах невымытых тел. Но мы, дети, быстро свыклись со своим положением, потому что не понимали всей глубины постигшей нас трагедии. У нас появились новые друзья. Как только поезд трогался, мы садились в дверях вагона, свесив ноги (двери закрывались во время переезда через мосты и другие, надо полагать, стратегически важные пункты), с любопытством смотрели по сторонам, радовались хорошей погоде и тому, что «мы едем, едем, едем в далёкие края» (из детской песенки тех лет). Иногда в вагоне раздавалось грустное пение. В нашем вагоне у кого-то нашлась скрипка. А у старшей сестры был хороший голос — меццо-сопрано. Её просили петь, и она пела старинные народные песни под аккомпанемент скрипки. Очень скоро, уже на второй неделе нашего скорбного пути на чужбину, начал складываться вагонный фольклор: сочинялись новые тексты, которые исполняли на мотивы старых песен. Когда сестра пела:

Къолай дегиль ветандан айрылмакъ. — Как трудно расставаться с родиной!

Биз агълемей, кимлер агълесин? — Кому же плакать, как не нам? — все в вагоне подпевали и плакали.

Наша семья ехала без отца. Его, как и всех взрослых мужчин, за несколько дней до выселения мобилизовали в трудармию. Он был в Симферополе. Заночевал у знакомых. А когда объявили о выселении, ему не разрешили вернуться в Ялту, и он поехал с хозяевами дома. Мысль разыскать нас не покидала отца. 31-го мая, рассказывал отец, их высадили на станции Великоалексеевская (под Ташкентом) и повезли в какой-то совхоз, километров за 5 — 7 от железной дороги.

Ежедневно в течение недели отец ходил оттуда на станцию в надежде узнать что-нибудь о ялтинцах. Утром 6-го июня он сидел в чайхане недалеко от станции. Кто-то крикнул, что идет очередной татарский поезд. Отец бросился к поезду. В каком-то вагоне увидел знакомых, которые сообщили ему, что мы в 17-ом вагоне. Он начал отсчитывать вагоны. А нам тоже успели сообщить, что отец ищет нас. Соседи освободили проход, и мы, три девочки, встали в дверях вагона, высматривая отца. А мама от волнения не смогла встать на ноги: она сидела на вещах и плакала. И вот мы увидели спешащего отца, нашего высокого, сероглазого, самого красивого на свете. Заплакали женщины. Далее отец поехал с нами».

Айше СЕИТМУРАТОВА, ветеран крымскотатарского национального движения, историк (1937 г.р.)

«Этот день я никогда не забуду, пока смерть не закроет мои глаза. Помню тревожное лицо мамы, когда среди ночи мы проснулись от стуков в дом. За 15 минут, которые ей дали военные, она только и успела собрать своих семерых детей. Ничего из вещей и продуктов в дорогу взять не смогла — ни хлеб, ни документы. Помню, я плакала, из-за того, что в доме осталась моя любимая кукла, с которой не хотела расставаться. Помню, как нас вывели на площадь, а сосед

наш дядя Макляк, русский, с его домом у нас была общая стенка, послал своих детей за продуктами, сложил их в мешочки и стал их кидать нам в толпу. В них были куски хлеба, сухари. Так дядя Макляк спас нас в дороге от голода. Каждый день мы, дети, получали от мамы из его мешочков по сухарику... Позже, в 1947 году, дядя Макляк нашел в нашем доме все оставшиеся метрики детей, документы, единственную фотографию погибшего на фронте отца и отправил все это нам.

Когда нас погрузили в вагоны, для нас, детей, это было огромной радостью. Мы же никогда не видели поезда. Мы радовались и не понимали, почему все вокруг плачут. Уже в пути, изнуренные голодом и невозможностью выйти на улицу, мы тоже плакали и просились из вагона. Эти слезы детские я никогда не забуду и не прощу их советской власти. Но нас всех спасло то, что наша большая семья — дяди, тети, оказалась в одном вагоне.

Родственники в нашем селе все в основном занимались скотоводством и успели взять с собой пастушьи ножи для обработки овечьей шерсти. Они устроили в душном вагоне форточки, сделали отверстие для туалета, которое огородили простыней, чтобы не было запаха параша. У них оказались и одеяла. Так мы избежали возможных болезней и смерти в пути. Бог спас нашу семью.

Мы попали в горную часть Хатырчинского района Самаркандской области, в рудник «Лянгар» — это одна из шахт в горах Тянь-Шаня. Там был чистый воздух, горные источники, что опять-таки нас спасло. Мы не пострадали, как многие наши соотечественники, от среднеазиатской жары и грязной воды в арках.

Но все равно малярия косила людей. В первые же месяцы умерли двое моих дядей по отцовской линии, а через год — и сестры отца. Они все были пожилые. Умерла мамина сестренка. Маленькие дети тоже не выдержали высылки.

Я была пятым ребенком в семье, а старшие братья очень шустрые были. Они лазили по горам, собирали разные плоды, траву, все, что найдут, несли в дом. Один братишка с 12-ти лет пошел работать, чтобы получить хлебную карточку, другой — с 14-ти. А старший брат, когда ему исполнилось 18 лет, пошел работать на шахту. Благодаря их хлебным карточкам мы выжили.

А однажды, я никогда этого не забуду, мама стояла на базарчике, что-то покупала или продавала, и к ней подошел узбек, попросив за два ведра то ли кукурузы, то ли мамалыги продать ему ее бархатное платье. Мама, не раздумывая, сняла его и осталась в одной рубашке, счастливая, что сможет принести нам еду. Помню, мы тогда намололи много муки и напекли лепешек».

Айдын ШЕМЬИ-заде, доктор физико-математических наук, писатель (1933 г.р.)

«Из нашего дома на Бульваре Ленина нас изгнали немцы. Мы с мамой жили в доме Анифе-битам Боданинской на улице Субхи (сейчас Козлова?). Вместе с нами жила еще Зоре-тизем (тетя по матери, — прим.ред.) с двумя детьми. Когда немцы отступали, советская авиация сильно бомбила Севастопольское шоссе. В доме упала стена. Все мы перешли в большую комнату тоже на Субхи, в которой жила Фатма-енгем с двумя детьми. 17-го мая в Симферополь прилетел отец. Все взрослые сидели за столом, пятеро детей легли спать в расстеленную на полу постель.

Я проснулся от грохота. На стенных часах было 23-30 17-го мая. В комнату из сеней являлась Анифе-битам, за ней солдат, упиривший в грудь бабушки автомат. Вошел рыжий тип в штатском, объявил, что все должны идти в грузовик, стоящий на улице. Увидев моего отца испугался, его не было в заранее составленных списках. Отец показал этому маленькому рыжему еврейчику (ничего в целом не имею против евреев, просто констатирую факт) документы, из которых следовало, что Эшреф Шемьи-заде вызван из Ташкента в распоряжение Крымского Совнаркома (отец после освобождения из тюрьмы оказался в Ташкенте, на фронт его не взяли из-за близорукости).

Еврейчик сказал, что отец должен покинуть дом и идти куда хочет. Отец сказал, что отправиться вместе с сыном и женой. Он успокоился и стал отдавать команды солдатам, чтобы вывели всех за 15 минут. Моя мама стала свертывать лежащий на полу ковер, солдат запретил брать ковер. Женщины что-то затолкали в мешки и нас вывели.

Проходя через коридор, я хотел взять клеенчатую сумку, в которой были две книжки — солдат вырвал сумку из моих рук. Впоследствии соседки написали Фатма-енгем, что днем рыжик приехал на машине и все из дома вывез, дешева энкаведешная.

Те боевые офицеры, которые дошли до Германии, вывозили трофеи оттуда, этому рыжему досталось только имущество бедных татар, в том числе моя сумка с двумя книжками, одна из которых была очень для меня ценной — «Волшебник изумрудного города». В машине уже сидели наши из других домов. С Зоре-тизем (сейчас она в Ташкенте, ей исполнилось 102 года) случилась истерика, она плакала и говорила, что нас везут на расстрел. Солдат с винтовкой, который сидел в кузове, плакал и уверял, что везут на вокзал — я запомнил плачущего навзрыд солдатика. Загрузили нас в вагон, провонявший навозом. Везли 12 дней — это был прямо экспресс. Как стало потом известно, другие составы добирались до Узбекистана более 20 дней. По дороге кормили соленой рыбой и не давали воды. Это такая веселая забава у советской власти. Веселого и потом много разного было...».

16 мая в Крымскотатарском музее культурно-исторического наследия представлены уникальные экспонаты времен 1944 года

16 мая в Крымскотатарском музее искусств состоялось открытие выставки «Память сильнее времени», приуроченной 73-й годовщине депортации крымских татар из Крыма.

Представленные на выставке уникальные документы, фотографии, ордена, медали, таблицы, карты, предметы быта и многое другое дают возможность ознакомиться с участниками, героями войны, пострадавшими во время чудовищной депортации. Экспозицию дополнили произведения крымскотатарских мастеров изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Пройдя долгие годы изгнания и нелегкий путь возвращения на родину, уникальные экспонаты, представленные на выставке, вместе с народом разделили его судьбу, являясь безмолвными свидетелями тех событий. Семейные реликвии, передаваемые из поколения в поколение, возвращают народ к своим истокам и дают возможность прикоснуться к его духовным ценностям, истории, культуре и традициям.

#Baba_evi: Законных владельцев выслали из родного дома дважды

В постоянной рубрике #baba_evi своей историей о доме предков в Бахчисарайском районе делится Эльзара Абдураманова.

Это дом №10/12 на улице Ялтинской в селе Бюк-Суйрен (ныне Танковое) Бахчисарайского района, который в начале прошлого века построил мой прадед. В нем родилась моя бабушка Шагие Сулейманова. На той же улице в ряд стояло еще 5 домов, принадлежавших ближайшим родственникам, до наших дней сохранилось 4, а пятый новые жильцы, по слухам, разобрали до основания в поисках клада.

Законных владельцев выслали из родного дома дважды. В первый раз при

раскулачивании в 1929 году. Высылки на Урал удалось избежать чудом, потому что у прадеда была справка о восстановлении им за собственные средства разрушенного белогвардейцами моста. Бабушке на тот момент было 7 лет, она вспоминала, как во дворе бывшей усадьбы помещика Топалова (ныне Танковский лицей для одаренных детей) распродавали на аукционе их домашние вещи, вплоть до подушек. Перебрались в Симферополь, так как в городе было легче найти работу. Отец умер еще до войны. Во время немецкой оккупа-

ции семье удалось вернуться в свой пустующий дом в селе. Оттуда прабабушку с младшей дочерью и депортировали в 1944-м. Бабушка в это время жила у старшей сестры Айше в Симферополе и была депортирована вместе с ней. Воссоединились в Узбекистане только через полгода.

В их бывшем доме, разделенном на два входа, сейчас проживает две семьи.

На одну половину бабушку не пустили даже во двор, на другой – старушка (послевоенная переселенка) пожаловалась, что никто за это время не перестелил прогнившие полы. В доме, который ей достался даром, после того, как законных хозяев из него выселили дважды...

Присылайте свои истории на avdetgazeta@gmail.com

Никто не забыт и ничто не забыто

Начало в №20

Представляем вашему вниманию отрывки из книги «Аналар яш экенде» («Когда матери были молодыми»), в которой рассказывается о подвигах крымскотатарских женщин – участниц Великой Отечественной войны.

Велядие Насырова
«Омюрден кыйметли» («Дороже жизни»). Хатидже Чапчакчи

1943 год. Осень. Когда-то веселый шумный город приобрел траурные очертания. Везде чужая речь, чужие люди. Трехэтажное красивое здание. В мирное время это был Дом культуры. Сейчас здесь разместилось гестапо. В светлом кабинете сидит за столом немецкий офицер. Открывается дверь. Трое гитлеровцев вводят в кабинет измученную женщину. Она член симферопольской подпольной группы. Лицо красивой молодой женщины опухло и залито кровью. Кудрявые черные волосы растрепанно лежат на плечах. Платье разорвано. Видны кровавые подтеки. На теле следы избиения плетью. Эта женщина, готовая отдать жизнь за Родину Хатидже Чапчакчи. Немецкий офицер в очередной раз начинает ее допрашивать, сулит ей свободу, если она расскажет ему об остальных участниках подполья. Но Хатидже говорит, что ничего не знает. Через полтора месяца после оккупации города комендант приказал ей работать в военном госпитале. Она врач по специальности. Хатидже терзалась в сомнениях. Но жизнь продолжается. Были дети, которых надо было растить. Она работала с мыслью при первой возможности оказывать помощь партизанам и тем, кто, уйдя в подполье, борется с врагом. С ней связался руководитель подпольной организации Дагъджи (дядя Володя). Она стала передавать меди-

цинские препараты через связных в партизанские отряды. С этого дня она стала членом подпольной организации. Вскоре подпольщики почувствовали, что за ними начали следить. Вскоре Хатидже была арестована. Справка, выданная в институте марксизма-ленинизма, содержит в себе автобиографию подпольщицы. Хатидже Азизовна Чапчакчи родилась в 1912 году в с. Верхняя Аутка Ялтинского р-на. В 1936 году окончила Симферопольский медицинский институт и работала врачом. В 1940 году вступила в партию. Во время войны, несмотря на то, что имела двух маленьких девочек, стала членом подполья, возглавляемого Абдуллой Дагъджи. Пользуясь своей должностью, сумела освободить из плена многих красноармейцев. Партизан снабжала необходимыми документами. В июне 1943 года была схвачена фашистами. Полтора месяца гестаповцы издевались над ней, но, не добившись никаких сведений, расстреляли ее на окраине Симферополя в «Красном совхозе». В Симферополе славным именем дочери крымскотатарского народа названа одна из улиц города.

Муждаба Абибуллаев, Риза Фазы
«Джесюрлик» («Бесстрашие»). Шевкие Абибуллаева

Утром рано деревня Камышлы сдрогалась от взрывов немецких снарядов при бомбардировке Севастополя. Секретарь комсомольской организации

колхоза Шевкие Абибуллаева, посоветовавшись со своим дядей коммунистом Саледином-агъа, выразила желание влиться в ряды Советской Армии для борьбы с фашистскими захватчиками. Она стала посещать курсы, которые были организованы для молодежи для борьбы с врагом. Группа солдат и офицеров 756 минометной части 25 дивизии им. Чапаева расположилась непосредственно в доме Шевкие. Она стала работать в госпитале медсестрой. Волею судьбы ей пришлось участвовать непосредственно в бою при обороне Севастополя. Когда один из матросов, который должен был забрасывать вражеские танки бутылками с зажигательной смесью, был ранен, Шевкие сама стала бросать бутылки под приближающиеся танки врага. Один за другим загорелись два танка. В общей сложности во время участия в боях она вынесла с поля боя более ста раненых солдат. За эти подвиги была награждена боевыми медалями и орденом I степени за оборону Севастополя.

Юсуф Болат
«Майре-партизан Югославии». Майре Ахаева

Майре Ахаева в 1941 году окончила пединститут в Симферополе по специальности «История-география». Была послана на работу в родную деревню Кызылташ. Приближалась оккупация Крыма. Она пыталась связаться с партизанскими отрядами. Но вскоре начались обыски, и немцы стали отбирать молодых женщин как рабочую силу для отправки в Германию и Австрию. В течение месяца их привезли в австрийский город Грац. Работала на военном заводе. Тайно организовали группу для подготовки к побегу с лагеря и дальнейшего присоединению к отрядам партизан.

Вскоре она в группе с подругами совершила побег и присоединилась к отряду югославских партизан. Три года в составе отряда боролись с немецкими фашистами. Наступил долгожданный день победы. Ее в числе других граждан СССР переправили в Кишинев. Там ей сообщили, что родных надо искать в Узбекистане. После войны работала педагогом в школе.

Юсуф Болат
«Ираде» («Воля»). Зера Аметова

В августе 1942 года Зеру Аметову в числе других соотечественниц вывезли на принудительные работы в Германию. В дальнейшем она попала в австрийский город Грац на рынок пленных. Далее держали их в лагерях городов Люблина и Кракова (Польша). Вначале работали у богатого человека по фамилии Лессинг. Несколько раз совершали побег, но их ловили. В дальнейшем она оказалась в лагере на границе с Югославией. Зера сумела бежать и попала в югославский партизанский отряд. Попросилась в состав отряда, чтобы как и все члены отряда воевать с фашистами. Командир отряда серб Попович предупреждал, что будет очень трудно. Как он выразился, смерть идет за нами по пятам. Как вспоминает Зера: «Мы были готовы ко всему лишь бы внести свой вклад в победу над фашизмом. Помогали партизанам, чем могли: ухаживали за ранеными, обстирывали и штопали партизанам белье». В дальнейшем она попала в советский партизанский отряд. Здесь ее пути пересеклись с другой героиней этой книги Майре Ахаевой. День победы встретили в Югославии. Вот так вдали от родины наши соотечественницы вносили вклад в общую победу.

Животные «предупреждали» крымских татар о депортации

17 мая 1944 год. Крым. Вечер. Было темно, сыро. Моросил мелкий дождик холодный и колючий. Сгущался то ли туман, то ли предрассветная дымка. Надвигалась страшная беда. Надвигалась оттуда, откуда ее никто не ждал...

Но ее чувствовали. Однако чувствова-

ли не люди, измученные трехлетней оккупацией, комендантским часом, изнурительными работами и постоянным напряжением, ее чувствовали... животные. Каким-то непонятным, необъяснимым чутьем. Никто не придал должного значение тому, как беспокойно вели себя лошади, коровы, собаки и кошки. Люди потеряли бдительность, ведь наступило время, когда можно было не думать об опасности. Радость освобождения Крыма, буйная весна и предвкушение мирной жизни позволяли немногим расслабиться. И только старики удивлялись поведению своих питомцев. Многие еще помнили 1927 год и страшное землетрясение. Тогда лошади, собаки и кош-

ки вели себя точно так же.

Неужели надвигалась новая трагедия? Но об этом никто не хотел думать...

Возможно, в те 15 минут, отведенные на сборы под утро 18 мая 1944 года, кто-то и вспомнил «предупреждение» любимца? Его беспокойное поведение, нервозность, метание в загоне лошади, тоскливый вой собаки во дворе, и протяжное, неугомонное мяуканье кошки в доме. Людей выводили на улицу и еще некоторое время держали под открытым небом, в ожидании грузовика, который отвозил крымских татар с их жалкими пожитками на ближайšie железнодорожные станции.

Очевидцы вспоминают, как отовсюду слышался отчаянный лай собак, в сараях мычание коров, блеяние коз и овец. Даже домашние птицы тревожно били своими крыльями в курятниках. Они чувствовали, что еще несколько часов и навсегда «оси-

ротуют». Удивительный животный мир. Трогательный и беззащитный по-своему пережил горе, обрушившееся на хозяев.

Говорят, скот очень быстро привык к новым хозяевам. Даже преданные собаки и те потянулись к тем, кто их прикормил. Но только кошки, хоть о них и говорят, что они гуляют сами по себе, и лошади, о преданности и уме которых ходят легенды, так и не смогли вернуться в пустые дома и дворы, где их не ждали те, кому они были преданы. Они просто ушли. Ушли стаями, табунами в горы, в степи, оставив после себя легенды, нашедшие яркое отражение в романе Айдына Шемьи-Заде «Голубые мустанги».

Кошки одичали, лошади превратились в мустангов, но они так никогда и не признали новых, пришлых, затаив обиду на людей за то, что сделали с их хозяевами.

Гульнара АБДУЛАЕВА

Канцелярия Крымского ханства

Начало в № 13, 14, 16, 18

Приведем отрывок из письма Фридриха Вильгельма I-го Мухаммед-Герая-Хану IV. Письмо переведено с латинского языка преподавателем латинского языка Крымского медицинского университета, кандидатом филологических наук Ахтемом Мазининым. Стоит отметить, этот перевод является приблизительным.

«Приветствуем заслужившего славу в военных походах падишаха и нашего любимого друга, выражаем благодарность за отправленные вашим великодушием в качестве подарка первые плоды нового урожая. Сообщаем вам о том, что, с помощью и по воле Всевышнего, мы получили ваше письмо. Падишах всех татар, желающих постоянства и величия на данном Вам Милостью Всевышнего высоком троне, Мухаммед-Герай-Хан. В будущем мы совершим поход, объединив свои силы с военными силами Вашего Величества. В нужное время возможно с оповещением Мейдан Газы-Ага. Дабы сохранить нашу дружбу и отношения, мы обязательно исполним то, что обещали. Тонкости некоторых вопросов мы более детально раскроем в следующих письмах. Установив дружеские отношения с его величеством ханом, который ясно видит будущее, имя которого известно миру, мы видим, что он – хозяин своего слова... Его величеству желаем благополучия и долгих лет жизни. Мы готовы слу-

жить и творить благие деяния. Вена, 7 июля 1656 года».

Кроме того, стоит отметить, что Мухаммед-Герай-Хан IV, известный в народе и в то же время в мире литературы как «Кямили» («Безукоризненный») и «Хани», вместе с тем, что правил Крымским престолом, был человеком, любящим литературу, глубоко ее изучающим – освоившим и ставшим великим образцом, погружившимся в чудесный поэтический мир этой литературы. Образно говоря, свойственным его правлению мудрым, в то же время резким, щедрым пером известного повсюду и как правителя, и как поэта, Кямили (Хани) написаны прекрасные стихотворения. Поэзия правителя-поэта в основном пропитана философскими размышлениями о жизни. В своих тонких строках поэт описывает достаточно высокими художественными красками сильную Любовь (Севги) в живом образе. Между тем, действительно, Софу Мухаммед-Герай-Хан IV – Кямили (Хани) приобрел достойное себе место в мировой литературе.

Известный путешественник Эвлия Челеби, будучи лично знакомым с Мухаммед-Герай-Ханом, получал его поддержку. В своем «Сейяхатнаме» («Книга путешествий») пишет о нем такие искренние слова:

«Во-первых, достаточно благочестивый, набожный, с мягким характером, спокойный, сторонится запретного (харам), застенчивый и держащийся подальше от пустых желаний лучезарный старик, из числа знающих, щедрый и всегда готов помочь, спешит в совершении благих деяний, на всех советах приветствует правду, склонен к деятелю образования, являлся участником многих бесед великих праведников, изящный, остроумный, много знающий, все мастерства в мире ему знакомы, обладает ловкостью, придерживается сулюка (тариката). Он – один из тех, кто подолгу ведёт беседы, много странствует по сушам и морям, среди ученых-исследователей и мудрецов своего времени. Был известен тем, что общался с такими людьми наедине, проводил в своей комнате беседы на темы шариата, научные дискуссии на арабском и персидском языках. Будучи обладателем дивана (сборника) стихотворений, имея чистые и красноречивые стихотворения, писал под псевдонимом «Хани». Но жил, будучи постоянно занятым поминанием Аллаха, все его дела и силы направлены на джихат

во имя Аллаха. Я не видал такого известного, приносящего пользу предводителя, обладателя короны, степенного великого хана. Пусть Всевышний постоянно хранит его степенность. Ибо на протяжении жизни он делает счастливыми всех людей, окружающих его слуг, рабов и наложниц, творя благие деяния в городе Бахчисарае, занимаясь благоустройством своего города. Пусть Всевышний дарует ему благо в обоих мирах».

Как мы сообщили выше, в Вене хранится и рукопись произведения другого Крымского хана – Дервиш Мухаммед-Герай бин Мубарек-Герая – под названием «История Мухаммед-Герая. История, рассказывающая о войнах Кара Мустафа-паши, со времен Авджи султана Мухаммед-Герая до времен султана Ахмед-Хана тысяча сто пятнадцатого года» («Тарих-и-Мухаммед-Герай. Къара Мустафа-паша дженглерин сэйлер, Авджи султан Мухаммед-Хан вакытлеринден султан Ахмед-Хан бинь юз он беш тарихинеджек сэйлер бир макъбуль тарихдюр»), однако это произведение находится не в государственном архиве Австрии, а в государственной библиотеке города Вены (номер хранения: 86). В этой же библиотеке находится произведение Фундуклу – «Тарих» («История»). № МХТ 343, а-д. Кроме того, здесь под номером 83 хранится «Тарих-и-Веджихи» («История Веджихи») Веджих-Эфенди. К сожалению, мы не смогли их увидеть.

Продолжение следует... Перевод с крымскотатарского Avdet

Исмаил КЕРИМОВ

Что такое фитр-садака и для кого она обязательна?

Подобно закятю фитр-садака (разговения) является одним из узаконенных в исламе видов поклонения, требующих материальных затрат. Свое название садака разговения получила по той причине, что раздавать ее надо в связи с разговением (фитр) после завершения Рамазана. Так пророк (мир ему) обязал раздавать в день разговения садаку в размере одного саа фиников или ячменя рабу и свободному человеку, мужчине и женщине, малому и старому из числа мусульман, повелев делать это перед выходом людей на (праздничную) молитву (имам аль-Бухари).

Раздача садака разговения относится к категории обязательных (ваджиб) действий. Раздача садака разговения обязательна для каждого свободного мусульманина, который обладает установленным минимумом денежных средств (имущества), не считая того, что необходимо ему для удовлетворения собственных неотложных потребностей, например, денег для оплаты долгов и содержания тех, кто находится у него на иждивении. В отличие от заката наличие разума и достижение совершеннолетия не относятся к числу необходимых условий обязанности раздачи садака разговения.

Так, например, если малолетние дети или люди, лишенные рассудка, располагают какими-либо средствами, их опекуны должны раздать садака разговения от их имени. Если же опекуны не сделают этого, то ребенок будет обязан сам раздать ее по достижении совершеннолетия, лишенный же рассудка должен сделать это, если к нему вернется разум.

Взрослый и дееспособный мусульманин обязан раздать садака разговения

не только за себя, но и за своих малолетних детей, если они не имеют собственных средств. Что же касается взрос-

му саа какой-нибудь еды или по одному саа ячменя, или по одному саа сухо-

го творога, или по одному саа изюма (Сахих аль-Бухари). Половина саа пшеницы соответствует 2–2,25 кг. Ученые ханафитского мазхаба считают, что вместо пшеницы как таковой бедным можно выплачивать ее стоимость деньгами. Они обосновывают свою точку зрения тем, что раздача садаки разговения была вменена в обязанность для того, чтобы избавить бедняков от нужды в день праздника разговения, однако человек может нуждаться не только в еде.

Вот почему факихи говорили, что в благополучное время выплачивать садаку разговения дирхемами даже лучше, чем едой, так как пророк (мир ему) сказал: «Избавьте их от необходимости обхо-

дить (людей со своими просьбами) в этот день» (ад-Дара Кутни; Ибн Ади; аль-Хаким).

Раздача садака разговения является обязанностью, которую можно выполнять в течение всей жизни. Это можно сделать как до, так и после зари в день праздника, поскольку указания относительно садака разговения, как и относительно закята, носит абсолютный характер.

Сообщается, что Ибн Умар раздавал садака разговения тем людям, которые ее принимали. И они (сподвижники) обычно раздавали ее за день или за два до праздника разговения (Сахих аль-Бухари). Задержка с раздачей садака разговения не избавляет человека от необходимости выполнения этой обязанности, но в этом случае награда за ее выполнения будет меньше.

Каждый может раздать садака одному или нескольким неимущим, но каждому нуждающемуся должна быть выплачена сумма одной садака разговения в полном объеме. Право на получение садака разговения имеют те же лица, которые пользуются правом на получение материальных ценностей, собранных в качестве закята.

Напомним, денежный минимум – фитр-садака в 2017 году определен в размере 200 рублей за человека.

Источник: Islam Today

лых детей, то он обязан делать это за них лишь в том случае, если они не располагают собственными средствами или лишены разума. Если в семье нет отца, эта обязанность возлагается на главу семьи.

Муж не обязан раздавать садака разговения за свою жену, поскольку его права не распространяются на ее финансовые и имущественные дела.

Мусульманин не обязан также раздавать садака за своего взрослого и разумного сына, поскольку права отца над сыном после достижения последним совершеннолетия полными уже не являются.

Таким образом, мусульманину следует раздавать садака разговения за каждого из тех, кого он должен содержать и на кого распространяются его права. В качестве садака разговения каждый мусульманин может раздавать по пол саа пшеницы или муки или по одному саа фиников, ячменя или изюма.

Сообщается, что обычно в качестве закята разговения раздавали по одно-

Тазие

20 мая в микрорайоне Борчокъракъ (Фонтаны) под Акмесджитом произошла с активным участником национального движения крымскотатарского народа Али-агъа Алиевым.

Али Алиев родился 15 июня 1930 г. в селе Арпат Алуштинского р-на. В годы депортации семья попала в Таджикистан (Кургантюбинскую область, поселок Колхозабад), здесь же он включился в национальное движение. С началом возвращения крымских татар в Крым он добился выделения специальной кабинета, где еженедельно обсуждались вопросы возвращения (этот период совпал с гражданской войной в Таджикистане, особенно острой в их регионе). В начале 90-х годов он был приглашен в Москву как представитель от Таджикистана в комиссию (Расим Бекиров – вероятно, в комиссию Догуджиева) по возвращению крымских татар в Крым.

В Крыму семья определилась в микрорайоне Борчокъракъ. Здесь он продолжил свою активную деятельность: взялся за оформление документации построенной мечети, возглавлял совет старейшин микрорайона, активно содействовал расширению территории мезарлыкъ, вел духовную деятельность.

Но недолгая тяжелая болезнь вырвала его из наших рядов, он менее месяца не дожил до своего 87-летия. Эльвида Али-агъа!

Колыбель

(роман)

Начало в № 13, 15, 17, 19

Глава 15

Джелиль долго смотрел на закатное летнее небо, постепенно теряющее свой яркий цвет. Он не то, чтобы думал о чём-то, скорее пытался до конца поверить и принять события, происходившие в этот,

уже ускользающий, день. Когда он очнулся от своих мыслей, то заметил, что Назмие стоит, прислонившись к старому огромному тополи, и по её щекам текут слёзы.

— Назмие, почему ты плачешь? Очень испугалась, да?

Назмие вытерла слёзы и выпрямилась:

— Нет, я не испугалась, я ничего не боюсь. Плачу, потому что думаю о том, как мы могли всё это потерять, этот прекрасный город, свою культуру и язык.

— Ты же говорила, что в будущем всё прекрасно? Что стоят на берегу моря прекрасные города и наш народ жив!

— Джелиль... как тебе правильно объяснить? Есть несколько вариантов будущего. Если у тебя получится поговорить с ханом и убедить его, направить, то действительно нас ждёт прекрасное будущее. Но если нет... Это будет страшно!

— А ты из какого будущего?

— Я была в нескольких вариантах нашей реальности. Но сейчас меня задержали в одном из них, более плотном, то есть вероятном, и завтра утром меня могут расстрелять...

— Что???

— Если это произойдёт, я исчезну, но ты не пугайся, ты продолжай действовать.

Джелиль стал нервно ходить из стороны в сторону, что-то бормоча себе под нос, и иногда вскрикивал, скидывая руки к небу.

Назмие терпеливо ждала, когда он успокоится. Наконец Джелиль остановился.

— Значит, существует вариант будущего, где я уже всё изменил? То есть, где у меня в прошлом получилось встретиться с ханом и убедить его?

— Да.

— Что мне нужно делать?

— Тебе же сказали: лечь на килим, уснуть и во сне прийти к Шагин-Гирею. Я выяснила, что его теперь нет в Бахчи-

сарая. Он уехал в Кефе и строит себе новый дворец. Здесь его все ненавидят. Если бы ты слышал, что о нём говорят! Даже имя его не произноси громко рядом с местными жителями.

— Уже почти стемнело, куда мы пойдём?

— Здесь недалеко есть постоянный двор. Иди за мной.

Джелиль шёл за Назмие, стараясь не отставать от её быстрого и стремительного шага. Людей на главной улице старинного Бахчисарая становилось всё меньше, лавки закрывались. Над домами раздался голос имама, читающего вечерний ззан. Горожане засуетились, торопясь к вечерней молитве, и улицы в одно мгновение совершенно опустели.

Глава 16

Постояльный двор, куда пришли Джелиль и Назмие, располагался за одной из двухэтажных кофеен. Посередине двора находился большой фонтан, а дальше шли помещения для ночлега. Джелиль с трудом нашёл хозяина, пытаясь на своём крымскотатарском языке объяснить постояльцам, наполнявшим двор, что ему нужно. Найденный в дальних комнатах хозяин в ответ на просьбу переночевать отрицательно покачал головой:

— Мест нет.

— Но я приехал издалека! Найдите мне хоть угол, прошу вас.

— Есть место в общей комнате, но там долго не расходятся гости, играют в шахматы.

— Я согласен.

— Ужин нужен? Есть холодное мясо и лепёшки.

Джелиль заплатил за спальное место и за ужин, и его отвели в большую, наполненную людьми, комнату. Назмие невидимой для всех тенью следовала за ним.

Сидя на невысокой деревянной лавке, предназначенной также для сна, наши герои с жадностью ели холодный ужин. Люди за невысокими столами играли в шахматы, что-то пили и ели, разговаривали, смеялись, спорили. Комната была плохо освещена несколькими свечами, и лица мужчин сложно было разглядеть.

— Хорошо, что они тебя не видят, — сказал Джелиль.

— Вот видишь, как это хорошо, быть невидимой, — улыбнулась Назмие.

Джелиль невольно стал прислушиваться к разговорам. Говорили о товарах и проблемах перевозки, о болезнях скота и красавицах Запада и Востока. И, конечно, говорили о политике. К чему приведут новые реформы, что будет с ханом, что будет с людьми. Прогнозы были неутешительными, все жаловались на то, что раньше было лучше, а теперь жизнь становится всё невыносимее.

— Смотри, как свободно они говорят! Не то, что у нас, где лучше помалкивать, если хочешь спокойно жить и работать, — тихо сказал Джелиль.

— Здесь и люди другие — смелее. Знаешь, почему? Их тут большинство, и каждый друг за друга. Не они боятся, а их боятся.

Постояльцы ещё долго шумели и разошлись только после полуночи. Ещё несколько лавок комнаты были заняты гостями, которым не досталось этой ночью отдельной комнаты.

Джелиль говорил шёпотом, но даже

шёпот во внезапной возникшей тишине был слишком заметен.

— Что мне делать? Спать на килиме? А потом? Как мне контролировать свой сон?

— Расстели килим на полу и ложись на него. Всё, что тебе нужно сделать — загадать себе сон, подумать о том, что ты хочешь оказаться в спальне хана.

— А что мне говорить ему? Я даже события в истории путаю, если честно.

— Расскажи ему о своей работе в школе, этого будет достаточно, чтобы он потерял сознание от ужаса, — смеялась Назмие.

— Тебе всегда не вовремя смешно! — обиделся Джелиль. — Умереть ей не страшно, но что говорить хану, она не знает! Я буду выглядеть очень глупо!

— Для него это будет такой же сон, как и для тебя! А во сне можно всё, даже выглядеть глупо. Ложись уже и засыпай.

Джелиль расстелил килим на полу рядом с лавкой и лёг на него. Назмие прилегла на лавке.

«Что мне представлять? — думал Джелиль. — Пусть мне приснится хан, пусть мне приснится хан...» Сон постепенно сковал веки и проник в сознание Джелиля.

Глава 17

Море шумело надрывисто и громко, ветер качал деревья, растущие вдоль берега. Джелиль стоял на берегу, и ощущал море всем своим существом.

«Где я?» — подумал он и оглянулся. Везде, куда хватал взгляд, возвышались дома в лунном свете. Ночной город был тёмным, но Джелиль вдруг понял, что он попал в Кефе.

«Но мне же нужно к хану», — подумал Джелиль и внезапно набросившийся вихрь переместил его в просторное помещение. Слабый свет одинокой свечи у окна освещал богато убранную комнату, по центру которой располагалась большая кровать, усыпанная подушками.

Среди подушек Джелиль различил спящего человека.

— Хм, хм... — громко закашлял Джелиль, и человек, спящий на кровати, вскочил.

— Кто здесь? Охрана!

— Не кричите, прошу вас, вам просто снится сон!

— Сон? Что за сон? Охрана!

— Я пришёл к вам из будущего, мне нужно кое-что вам передать.

Шагин-Гирей сел на кровати. В этот момент Джелиля словно ужалила пчела. Перед ним сидел Нариман-агъа, врач из его села, который приходил к нему перед их с Назмие путешествием.

— Нариман-агъа? Что вы здесь делаете?

— Вы сумасшедший! Охрана!

— Простите, простите меня! Вы видите меня во сне.

— Это и вправду сон? Что же вы хотите мне сказать?

В голову Джелиля предательски стала лезть история его работы в школе, которую шутя посоветовала Назмие, но он отогнал от себя эти мысли, улыбнувшись.

— От ваших решений, которые вы принимаете сейчас, многое зависит, зависит судьба нашего народа.

— Вас прислал мой брат? Чего он хочет? — голос хана был поразительно похож на голос врача, и лицом он был настолько похож на него, что Джелиль невольно думал об этом.

— Меня никто не присылал, вернее, присылали... Совет, который собирается у Колыбели.

— Какой ещё совет? За моей спиной

создали совет?! — Шагин-Гирей гневно засверкал глазами и сжал кулаки. — Кто, если не я, думает о народе? Кто, если не я, пытается исправить ошибки всех тех, кто правил до меня? Старые законы не действуют, мир развивается и нам необходимо идти в ногу со временем!

В этот момент неизвестно откуда в голову Джелиля пришла мысль. Он открыл свою сумку и достал узелок, который дал ему Нариман-агъа. Узелок светился изнутри. Джелиль едва успел развязать его, как яркий свет ударил в потолок и осветил всю комнату. Джелиль взял в руки светящуюся политическую карту мира, но она выскочила из рук и развернулась сама перед изумлённым ханом и уже ко всему привыкшим Джелилем.

Карта была живой, как два дня назад живым оказался килим на стене комнаты Джелиля. На ней пронеслись годы, десятилетия и века. Вот и сегодняшний день, вот и завтрашний. Шагин-Гирей, не отрываясь, следил за тем, что происходило на карте. Вот он, Шагин-Гирей, стоит, окружённый со всех сторон врагами. И народ отворачивается от него. Эмиграция, ссылка, смерть. Слезы застилали глаза хана, но он не замечал, как они стекали по его щекам. И дальше шли годы войн и революций, расстрелов интеллигенции, ссылок, депортации, борьбы за возвращение на Родину, митингов и пикетов, гонений и подавлений. Всё это, как кино, возникало на карте и в ярких красках описывало то, что произошло с крымскими татара-

ми и Крымом в известной Джелилю истории. Шагин-Гирей плакал, не скрывая своих слёз. Во сне можно быть слабым, не так ли? Вот и современные Джелилю дни промелькнули серой тенью на карте, и она упала на полкомнаты, свернувшись и перестав светиться.

— Это всё правда? Кто ты? Ангел смерти? Ты пришёл за мной за мои грехи?

— Нет, меня зовут Джелиль, я прибыл к вам из будущего. Всё, что было показано на этой карте, правда. — Джелиль заметил новое свечение в своей сумке, это были современные наручные часы японской фирмы, которые тоже были в узелке. Он достал часы и протянул хану. — Это вам в доказательство того, что я говорю правду.

Шагин-Гирей с лицом Нариман-агъа взял часы в дрожащие руки и задумчиво стал смотреть на них. В этот момент ветер налетел на Джелиля, свеча погасла, и он открыл глаза, лёжа на килиме в комнате постоянного двора в Бахчисарая.

Продолжение следует...
Алие КЕНДЖЕ-АЛИ